

ИСЧЕЗНОВЕНИЯ

Как правило, я не читаю альманах «Домашние страницы» регулярно, но недавно подруга прислала несколько старых номеров и посоветовала ознакомиться со всеми рассказами об уголовной полиции и органах правопорядка, что я и сделала, но не так, как большинство читателей, по мере еженедельного появления номеров, а с небольшими перерывами, подряд, как популярную историю столичной полиции и, как можно предположить, историю полиции любого большого английского города. Завершив знакомство с этими историями, не захотела читать другие, а предпочла предаться раздумьям и воспоминаниям.

Прежде всего я с улыбкой вспомнила неожиданный способ, которым один мой родственник был найден настойчивым знакомым, потерявшим или забывшим его адрес. Дело в том, что кузен мистер Б., милый во многих отношениях, обладает склонностью менять место жительства в среднем не реже одного раза в три месяца. Привычка создает определенные трудности для сельских друзей джентльмена: едва те успевают запомнить адрес: 19, Белвью-роуд, Хемпстед, — как вынуждены его забыть и начать учить новый: 27^{1/2}, Аппер-Браун-стрит, Кэмбервелл. И так далее без конца. Должна признаться, что скорее готова выучить целую страницу из «Словаря произношения» Уокера, чем постараться вспомнить все разнообразные адреса, куда в течение последних трех

лет направляла письма мистеру Б. Прошлым летом родственник имел удовольствие переехать в очаровательную деревню в пяти милях от Лондона, с собственной железнодорожной станцией. Там и отыскал его приятель. (Не говорю о трех-четыре-х прежних адресах, которые пришлось обойти, чтобы убедиться, что теперь мистер Б. обитает в местечке Р.) Неугомонный исследователь провел целое утро в расспросах местных жителей, но на лето в деревне поселилось немало новых джентльменов, а потому ни мясник, ни пекарь не смогли сообщить, где именно квартирует мистер Б. Почтмейстер не получал его писем, поскольку все они приходили в городскую контору. В конце концов, так ничего и не выяснив, сельский приятель вернулся на железнодорожную станцию, где в ожидании поезда на всякий случай решил спросить кассира.

— Нет, сэр. К сожалению, не могу сказать, где именно живет мистер Б., — ответил тот, — ведь так много джентльменов регулярно ездят на поездах. Однако не сомневаюсь: вон тот человек, что стоит возле колонны, сможет вам помочь.

Указанный кассиром персонаж обладал внешнестью торговца — достаточно почтенного, хотя и без претензий на знатность — и не имел другого занятия, кроме как лениво наблюдать за входившими на станцию пассажирами, но на заданный вопрос ответил живо, уверенно и вежливо:

— Мистер Б.? Высокий худой джентльмен со светлыми волосами? Да, сэр, я знаю мистера Б. Уже недели три, если не больше, он квартирует по адресу: Мортон-Виллас, номер восемь. Но сейчас вы не застанете его дома, сэр. Он уехал в город на одиннадцатичасовом поезде, а вернется, скорее всего, как обычно, не раньше чем в половине пятого вечера.

Сельский приятель решил не тратить время и не возвращаться в деревню, чтобы подтвердить справедливость полученных сведений. Поблагодарив собеседника, он сказал, что навестит мистера Б. в конторе, но, прежде чем уехать, спросил кассира, что за человек помог ему установить место жительства друга.

— Агент уголовной полиции, сэр, — ответил тот.

Вряд ли стоит упоминать, что сам мистер Б., хотя и не без удивления, в точности подтвердил сообщение полицейского.

Услышав историю о родственнике и его приятеле, я первым делом подумала, что в наши дни уже невозможны романы с сюжетом в духе «Калеба Уильямса»*, где основной интерес поверхностного читателя заключается в постоянных переходах от надежды к страху и обратно: сможет ли герой скрыться от преследователя? Я читала роман давно и успела забыть имя оскорбленного Калемом джентльмена, но точно знаю, что его погоня за обидчиком, обнаружение различных мест, где тот прятался, следование едва уловимым указаниям зависели исключительно от его собственной энергии, проницательности и настойчивости. Интерес заключался в борьбе одного человека против другого и неопределенности относительно конечного успеха одного из них: безжалостного преследователя или простодушного Калеба, пытавшегося любым способом скрыться. Сейчас, в 1851 году, обиженный хозяин просто обратился бы за помощью в уголовную полицию. Сомневаться в успехе не пришлось бы. Единственный вопрос заключается в том, сколько времени ушло бы на поиски, но ответ не по-

* У. Годвин «Вещи как они есть, или Приключения Калеба Уильямса» (1794); считается первым детективным романом.

требовал бы долгого ожидания. Теперь речь идет не о противостоянии отдельных людей, а о борьбе отлаженного механизма со слабым, одиноким человеком. Нам не остается ни надежды, ни опасения, одна лишь уверенность. Но если автор лишен темы побега, преследования и неизвестности, когда погоня происходит в Англии, мы, во всяком случае, освобождены от страха таинственных исчезновений. В то же время каждый, кому довелось тесно общаться с теми, кто застал конец прошлого века, подтвердит, что подобные переживания имели серьезные основания.

В детстве родственница иногда брала меня в гости к очень умной пожилой леди ста двадцати лет (во всяком случае, так мне тогда казалось, хотя сейчас думаю, что ей было не больше семидесяти). Живая наблюдательная особа видела и помнила много достойных внимания происшествий, состояла в родстве с семейством Снейд, в котором мистер Эджурт нашел двух из своих жен; знавала майора Джона Андре, вращалась в Обществе старых вигов вместе с прекрасной герцогиней Девонширской и «коричнево-синей» леди Кру. Отец ее был одним из первых покровителей очаровательной мисс Линли*. Обо всем этом я упоминаю для того, чтобы показать, насколько просвещенной и умной наша собеседница была —

* Виги — доминирующая в XVIII в. политическая партия, состоявшая главным образом из аристократов-землевладельцев и богатых членов среднего класса, которые противостояли Георгу III, добивались ограниченной конституционной монархии и поддерживали политиков, согласных с их взглядами; Джорджиана Спенсер, герцогиня Девонширская (1757–1806) славилась эксцентричностью и пользовалась популярностью в светском кругу, поддерживала партию вигов, являлась важным членом Девонширского домашнего общества, куда вовлекла леди Фрэнсис Энн Кру (1748–1818) и знаменитую певицу Элизабет Линли (1754–1792).

как в силу природных способностей, так и благодаря общению, — чтобы проявлять излишнюю доверчивость к чудесам. И все же именно от нее мне довелось услышать самые удивительные и незабываемые истории о необъяснимых исчезновениях. Вот один из ее рассказов.

Поместье ее отца располагалось в графстве Шропшир. Ворота парка открывались непосредственно в принадлежавшую ему разбросанную по холмам деревню. Дома образовывали неровную, извилистую улицу, где сад соседствовал со стеной фермы, а далее следовал ряд хижин. В самом конце деревни вместе с женой жил весьма уважаемый человек. Вся деревня почитала супругов за то терпеливое внимание, которое они проявляли к отцу мужа — обездвиженному параличом старику. Зимой его кресло придвигали поближе к камину, а летом вывозили на улицу, чтобы больной мог нежиться на солнышке и развлекаться наблюдением за проходившими мимо земляками. Без посторонней помощи бедняга не мог даже подняться с постели и пересест в кресло. И вот одним жарким июньским днем все деревня отправилась на луг заготавливать сено. Дома остались только самые старые да самые малые.

Как обычно, сын и сноха вывезли отца на солнышко, а сами пошли на сенокос, но, вернувшись на закате, увидели, что парализованный старик бесследно исчез! С тех пор никто о нем больше ничего не слышал. Поведавшая об этом случае пожилая леди с присущим всем ее простым рассказам спокойствием добавила, что отец провел все доступные расследования, однако так ничего и не узнал. В деревне не был замечен ни один чужак; в доме не произошло даже мелкой кражи, которой старик мог бы помешать; сын

и сноха (также известная добротой к беспомощному свекру) весь день оставались в поле вместе с остальными крестьянами. Иными словами, исчезновение так и не получило объяснения и произвело на всех тяжелое, болезненное впечатление.

Уверена, что уголовная полиция уже через неделю раскрыла бы все подробности дела.

Удручающая своей таинственностью, эта история все-таки не имела трагических последствий, а вот следующее происшествие (переданное дословно — точно так, как о нем сообщил веривший в истинность событий рассказчик) повлекло за собой печальный исход.

Дело было в провинциальном городке, окруженном поместьями нескольких богатых землевладельцев. Примерно сто лет назад вместе с матерью и сестрой здесь жил агент, служивший у одного из помещиков, чтобы в установленные, всем известные дни собирать плату с арендаторов. С этой целью он всякий раз отправлялся в один и тот же трактир примерно в пяти милях от городка, куда приходили арендаторы и отдавали деньги, после чего агент угощал всех обедом. И вот однажды он не вернулся из поездки. Помещик, на которого он работал, нанял для поисков агента и собранной суммы современных Догберри и Верджесов*, в то время как потерявшая надежду и опору безутешная матушка разыскивала сына с неистребимой настойчивостью любви и преданности. Однако служащий так и не вернулся, а вскоре распространился слух, что он присвоил деньги и уехал за границу. Матушка слышала сплетни, но не могла их опровергнуть. В конце концов сердце ее не выдержало, и она умерла с горя, а спустя много лет — думаю,

* Глупые и грубые констебли, персонажи комедии У. Шекспира (1564—1616) «Много шума из ничего» (1598).

около пятидесяти — один состоятельный скотовод и мясник, умирая, признался, что обманом заманил агента в вересковую пустошь неподалеку от городка, на расстоянии крика от собственного дома, с намерением ограбить, однако встретил неожиданно упорное сопротивление, в ходе борьбы убил противника и ночью закопал тело в мягком песке пустоши. В результате поисков в том самом месте были найдены останки несчастного, но слишком поздно, чтобы бедная матушка смогла узнать, что репутация сына восстановлена. К этому времени сестра уже тоже умерла (она так и не вышла замуж: никто не захотел взять в жены девушку из опозоренной семьи). Так что уже никому не было дела до невиновности убиенного.

Ах если бы только в то время существовала наша уголовная полиция!

Этот рассказ вряд ли можно считать историей необъяснимого исчезновения: необъяснимым оно осталось лишь для одного поколения, однако в традициях прошлого века вполне обычны подобные истории, так и не получившие достойного истолкования. Мне довелось слышать (и, кажется, даже читать в одном из ранних номеров журнала Чемберса*) о свадьбе, состоявшейся в графстве Линкольншир примерно в 1750 году. В то время не было принято, чтобы счастливые молодожены немедленно отправлялись в путешествие. Вместо этого они вместе с друзьями весело отмечали счастливое событие в доме кого-то из новобрачных. Вся компания после венчания приезжала туда, где ожидалось застолье, и свободно проводила время в саду или в комнатах. Внезапно к новобрачному обратился слуга и сообщил, что с ним хочет побеседовать

* Популярное в XIX в. литературно-научное издание, основанное в 1832 г. Р. Чемберсом и изначально носившее название «Эдинбургский журнал Чемберса».

незнакомец. Молодой человек ушел на минуту и пропал навсегда. Похожая история омрачает расположенный в лесу, неподалеку от Фестиниога, покинутый старинный замок Уэлш-холл: там тоже для разговора с незнакомцем вызвали молодого супруга, после чего тот безвозвратно исчез, словно сквозь землю провалился. Однако рассказчики неизменно добавляют, что супруга прожила в одиночестве до сорока лет, и все это время каждый день, когда сияло солнце, или ночью, при свете луны, смотрела в одно-единственное окно, из которого открывался вид на дорогу к дому. Постоянное томительное ожидание поглощало все ее силы, все умственные способности. Задолго до смерти она впала в детство и сохранила лишь одно желание — сидеть возле высокого окна и смотреть на дорогу, по которой мог вернуться любимый. Тихая и печальная, она оставалась столь же верной, как Эванджелина*.

То обстоятельство, что две похожие истории исчезновения «имели место», как сказали бы французы, в день свадьбы, доказывает, что все способное усилить наши возможности общения и организовать имеющиеся технические средства повышает безопасность жизни. Если бы только современный жених попробовал сбежать от строптивой Катарины**, то был бы немедленно найден с помощью электрического телеграфа*** и, как малодушный трус, возвращен на законное место сотрудниками уголовной полиции.

* Героиня поэмы американского поэта Г. Лонгфелло (1807–1882) о невесте, всю жизнь ждавшей возвращения жениха.

** Героиня комедии У. Шекспира «Укрощение строптивой» (1590–1592).

*** Электрический телеграф был запатентован У. Куком и Ч. Уитстоуном в 1837 г.

Расскажу еще две истории исчезновения и на этом закончу. Сначала изложу ту, которая произошла позже, потому что она особенно грустна, а ту, что повеселее, по обычаю оставляю напоследок. В 1820—1830 годах в городе Норт-Шилдсе вместе с сыном жила некая почтенная особа. Молодой человек упорно постигал медицину в надежде поступить корабельным врачом на балтийское судно и таким способом заработать средства на обучение в Эдинбургском университете. В похвальном стремлении его поддерживал ныне покойный доктор Дж. Полагаю, в данном случае оплата не взималась, поскольку ученик исправно выполнял множество поручений, которые другой на его месте счел бы ниже своего достоинства. Вместе с матушкой он жил в одном из переулков, спускавшихся от главной улицы Норт-Шилдса к реке Тайн. И вот однажды доктор Дж. провел всю зимнюю ночь у постели больной, а ушел уже ранним утром. Но, прежде чем вернуться домой и лечь спать, заглянул к ученику, разбудил и распорядился, чтобы тот пришел к нему, приготовил лекарство и отнес пациентке. Бедный юноша послушно исполнил задание и, едва забрезжил рассвет (часов в пять-шесть утра: напомним, что стояла зима), отправился по указанному адресу. Больше его никто не видел. Доктор Дж. ждал, думая, что ассистент вернулся домой; матушка ждала, полагая, что сын приступил к работе. А тем временем, как потом вспоминали очевидцы, из порта вышло небольшое судно и взяло курс на Эдинбург. Матушка до конца своих дней надеялась на возвращение сына, но спустя несколько лет раскрылись ужасные преступления Берка и Хейра*, пролившие мрачный свет на судьбу юноши. Однако

* Убили не менее пятнадцати человек и продали тела в анатомический театр.

мне ни разу не довелось услышать подтверждение догадки. Необходимо добавить, что все, кто знал пропавшего, подчеркивали его целеустремленность и безупречное поведение, считая невозможным как бегство, так и любое изменение жизненных планов.

Последняя история — об исчезновении, получившем объяснение лишь много лет спустя. В Манчестере есть крупная улица, что ведет из центра к одному из пригородов. В самом начале она носит название Гарриет-стрит, а затем приобретает аристократический налет, углубляется в сельскую местность и принимает имя Брук-стрит. Первое название восходит к черно-белому особняку, построенному, судя по стилю, во времена Ричарда III* или около того. Сейчас развалины скрыты за новейшими домами, однако еще несколько лет назад с дороги можно было увидеть стоявшее на пустынном участке полуразрушенное низкое старинное здание. Насколько мне известно, бедные семейства снимали там квартиры, особняк тогда носил название «Джерард-холл» и был окружен большим парком с чистым ручьем (отсюда произошло название соседней улицы), живописными, богатыми рыбой прудами, садами, голубятнями и прочими принадлежностями старинного поместья. Не сомневаюсь, что дом принадлежал благородному роду Мосли — возможно, одной из ветвей того самого фамильного древа, к которому относился и владелец манчестерского замка. Любое топографическое исследование этого района непременно определит имя хозяина усадьбы в прошлом веке, которому и посвящено мое повествование.

Много лет назад в Манчестере жили две сестры — почтенные незамужние леди преклонных лет. Они

* 1483–1485 гг.

никогда не покидали родного города и очень любили рассказывать о произошедших в нем изменениях, значительная часть из которых относились к далекому прошлому, вплоть до семидесяти-восьмидесяти лет назад. Многие истории они слышали от своего отца, который, вслед за собственным отцом, пользовался уважением как добросовестный служащий. Оба трудились в городе на протяжении большей части прошлого века, а также представляли интересы нескольких сельских помещиков, утративших владения в результате развития Манчестера и получивших компенсацию за счет удорожания земли, которую они считали возможным продать. Таким образом, отец и сын пользовались отменной репутацией в качестве посредников и знали некоторые тайные страницы истории богатых фамилий, одна из которых относилась к Гарриет-холлу.

В первой половине прошлого века молодой владелец поместья женился и вместе с женой и детишками долгие годы провел в тихом семейном счастье. И вот дела призвали супруга в Лондон, а в те времена дорога туда занимала целую неделю. Он прислал домой письмо и сообщил, что доехал благополучно, после чего бесследно исчез. Судя по всему, беднягу поглотила бездонная пропасть столицы, ибо ни один из друзей (а леди обладала множеством влиятельных знакомств) так и не смог выяснить, что с ним произошло. Возобладала версия, что на провинциала напали уличные разбойники, которых в те дни насчитывалось множество, а он оказал сопротивление и был убит. Спустя некоторое время жена потеряла надежду снова увидеть мужа и полностью посвятила себя заботе о детях. Семья тихо жила до тех пор, пока старший сын не достиг совершеннолетия и для вступления в наследство не потребовались опреде-